

1380

Несостоявшийся союз

3 мая 1626г. страшный московский пожар уничтожил большую часть государственных архивов России XVI столетия. Составлявшие опись дел Посольского приказа — тогдашнего Министерства иностранных дел — чиновники-дьяки обнаружили уцелевший тогда, но так и не дошедший до нас исторический документ. Речь в нем шла о том, как могла пойти наша история в конце XIV в.

«Тетратка ветха, а в ней писан список з грамоты dokonчальныя Ягайлова с великим князем Дмитрием Ивановичем... о женитве великого князя Ягайла Ольгердовича, женитися ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, быти в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди», — так обозначен в описи проект русско-литовского договора, составленный в 1381 или начале 1382 г. (Опись архива Посольского приказа 1626г. М., 1977. Ч. 1. С. 34).

После победы на Куликовом поле Дмитрий Донской склонил молодого литовского князя Ягайло к заключению династического союза. В этом союзе Ягайло должен был играть роль младшего партнера. Из рук тестя он получал не только жену, но и православную веру, которую должны были принять все его подданные — ведь Литва оставалась последним языческим государством в Европе. История этого государства началась на полтора столетия раньше...

В середине XIII в. литовский князь Миндовг сумел объединить литовские племенные союзы под своей властью. В борьбе с немецким Тевтонским орденом Миндовг то принимал от папы римского королевский титул, то искал союза против крестоносцев с Александром Невским, то становился католиком, то возвращался в язычество. Не знавшая татарского господства Литва быстро расширяла свою не-

большую территорию за счет ослабевших западнорусских княжеств и уже в XIII в. стала балто-славянским государством, почти на три четверти состоявшим из бывших древнерусских княжеств. К концу следующего века западнорусские земли составляли уже девять десятых всей территории государства и подавляющее большинство населения было православным.

В XIV в. князья Гедимин (1316–1341) и Ольгерд (1345–1377) создали державу, в состав которой вошли Полоцк, Витебск, Минск, Гродно, Брест, Туров, Волынь, Брянск, Чернигов. Казалось, лидерство на Руси перешло к Гедиминовичам; в 1358 г. послы Ольгерда заявили тевтонским рыцарям, что «вся Русь должна принадлежать Литве». Ольгерд первым выступил и против Орды: в 1362 г. он разгромил татар при Синих Водах, ликвидировал зависимость своих земель от Золотой Орды и закрепил за Литвой древний Киев. Но в это же время «собирать» земли стали и московские князья. Так к середине XIV в. сложились два центра, претендовавшие на объединение всех древнерусских земель: Москва и Вильно. Конфликт между ними был неизбежен, тем более что в союзе с Литвой выступали старинные соперники Москвы — тверские князья; перейти «под руку» Литовского государства порой стремились и новгородские бояре. В 1368—1372 гг. Ольгерд в союзе с Тверью совершил три похода на Москву, но силы соперников были примерно равны, и договор 1372 г. разделил «сферы влияния».

Вот тогда-то, в начале 80-х гг. XIV в., и наметилось объединение двух «половинок» некогда единой Руси: Северо-Восточной «Московской» и Юго-Западной, находившейся в составе Великого княжества Литовского. К чему привел бы такой вариант объединения? Скорее всего, он подтолкнул бы консолидацию Руси и на полстолетия раньше привел к освобождению от ордынской зависимости. Но возможно — и к усилению сословного представительства, сохранению региональных особенностей, получению выхода к Балтике задолго до Петра I, более активному включению в повседневный обиход и культуру западноевропейских элементов...

Могло быть — но не стало. Точнее, стало, но совсем иначе. Дмитрий Донской не смог противостоять хану Тохтамышу: Москва была в 1382 г. разорена и вновь стала платить дань Орде. Союз с несостоявшимся тестем перестал быть привлекательным для Ягайло; уния же с Польшей давала не только королевскую корону, но и реальную помощь в борьбе с сильным противником — Тевтонским орденом.

Ягайло женился — но не на московской княжне, а на польской королеве Ядвиге, и принял крещение — но не из Москвы, а из Рима, стал королем Владиславом и основателем новой династии на польско-литовском престоле. Вместо литовско-московского союза состоялась Кревская уния 1385 г. между Литвой и Польским королевством, на столетия определившая развитие соседа и соперника московских государей. С этого времени история Литвы тесно связана с историей Польши: в XIV—XVI вв. у этих государств был один король из династии потомков Ягайло — Ягеллонов.

При великом князе Витовте (1392—1430) княжество вступило в период своего наивысшего расцвета. В союзе с двоюродным братом Владиславом Ягайло Витовт разгромил Тевтонский орден при Грюнвальде (1410), присоединил Смоленскую землю (1404) и княжества в верховьях Оки. Витовт сажал своих ставленников на ордынский престол. Огромную дань-откуп платили ему Псков и Новгород, а московский князь Василий Дмитриевич женился на его дочери и называл Витовта «отцом», что по тогдашнему феодальному этикету означало признание вассальной зависимости. Тогда земли Великого княжества простирались от Балтийского моря до Черного, а восточная граница проходила под Вязьмой и Калугой.

Распад СССР в числе прочих проблем породил «взрыв» национальных трактовок, казалось бы, уже давно решенных вопросов — будь то оценка деяний гетмана Мазепы или спор о том, являлось ли средневековое Великое княжество Литовское литовским или белорусским и насколько именно. Главная же «потеря» состоит в том, что со страниц отечественных учебников истории вместе с рассказами о прошлом народов Кавказа или Средней Азии (что тоже не очень хорошо) исчезли сюжеты, касающиеся самого ближнего, славянского зарубежья, а история России оказалась сведенной к развитию Московского царства как единственного «законного наследника» Древней Руси.

Определять раннесредневековое Великое княжество Литовское как «русское» или «литовское» значило бы применять современные понятия об этничности по отношению к другой эпохе, в которой термин «русский» чаще всего означал «православный». В то же время источники XV—XVI вв. свидетельствуют о том, что восточные славяне в границах Польши и Литвы считали себя единой этнической общностью — «русским народом». Трудно установить, когда эта этническая общность стала разделяться. Появившийся в московских источ-

никах с конца XVI в. термин «белорусцы» как будто говорит о том, что в Москве уже тогда стали воспринимать братьев-славян на территории Польско-Литовского государства как особый народ. Но это название относилось ко всему восточнославянскому населению соседней державы: «белорусцем» мог быть также житель Киевщины или Волыни. Еще труднее определить, с какого времени восточные славяне к северу от Припяти стали смотреть на восточных славян к югу от Припяти как на представителей иного этноса, т. е. можно говорить о существовании особого украинского и белорусского народов.

Однако на западных землях Руси объединение проходило иным, по сравнению с Московским государством, путем.

Федерация земель

В Северо-Восточной Руси процесс «собираания земель» шел дольше и труднее, но зато и степень зависимости бывших самостоятельных княжеств от тяжелой руки московских государей была выше. В московской державе медленно, но верно складывалась система военно-служилой государственности на элементарной экономической основе, где все более или менее знатные подданные должны были нести пожизненную и безусловную службу своим государям, а попытки отстоять свои права становились «изменой».

В Литве взаимоотношения власти и подданных были иными, намного более либеральными. В противовес жесткой московской централизации и унификации Литва была рыхлой федерацией княжеств, земель и владений магнатов под властью отдельных князей — потомков Гедимины. Включая в свой состав более развитые, чем коренная Литва, земли, Гедиминовичи сохраняли их автономию: «Старины не рушаем, новины не вводим». Некоторые князья-Рюриковичи (Друцкие, Воротыньские, Одоевские) долгое время сохраняли свои владения.

Другие земли, входя в состав Литовского государства, получали от великого князя грамоты-«привилеи»: их жители могли требовать смены наместника; великий князь обязывался не «вступать» в права православной церкви, не переселять местных бояр, не раздавать земельных владений выходцам из других мест, не отменять принятых местными судами решений. Эти права не оставались на бумаге. В 1526 г. бояре и мещане Витебска пожаловались на «тяжкости» и «кривды» от

воеводы Ивана Богдановича Сапеги, и король Сигизмунд вынужден был дать им другого воеводу. В русских землях Великого княжества — Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской — действовали местные сеймы, где решались вопросы о строительстве укреплений, введении единых условий переходов крестьян, раскладке субсидий великому князю. До XVI в. на славянских землях Великого княжества действовали правовые нормы, восходившие к Русской Правде.

Многоэтничный характер державы отражало ее официальное название — Великое княжество Литовское и Русское. Его официальным языком был русский (можно назвать его старобелорусским или староукраинским — большой разницы между ними до начала XVII в. не было) — на нем составлялись законы и акты великокняжеской канцелярии. Образцом социального устройства и государственных порядков для Литвы стала союзная Польша. Нуждавшиеся в поддержке польской знати Ягайло и его потомки вынуждены были даровать ей все новые привилегии, а затем распространять их и на своих литовских подданных. К тому же Ягеллоны вели активную внешнюю политику: пытались — порой успешно — овладеть чешской и венгерской коронами, соперничали с императором Священной Римской империи. Но за это тоже надо было платить отправлявшемуся в походы рыцарству.

В языческой Литве в условиях постоянной войны с Тевтонским орденом долго сохранялось свободное крестьянство, обязанное нести военную службу. Еще в конце XIV в. официальные грамоты называли всех свободных воинов «боярами». В следующем столетии раздачи земель и крестьян привели к образованию слоя землевладельцев — «бояр-шляхты» (от немецкого «Geschlecht» — род, происхождение), обязанных великому князю военной службой.

Великого князя литовского окружала знать: князья — Рюриковичи и Гедиминовичи, пань или крупные землевладельцы литовского и русского происхождения (Радзивиллы, Сапеги, Воловичи), выводившие на войну сотни слуг и занимавшие виднейшие посты при дворе и в управлении. Литовский статут — свод законов впервые утвержденный в 1529 г., и затем дополнявшийся в 1566 и 1588 гг. — закреплял все права шляхты, полученные ею за 150 лет: пожалованные шляхтичами земли объявлялись их частной собственностью, они могли свободно переходить на службу к панам и уезжать за границу и не под-

вергались аресту без решения суда; местные земские суды избирались самой шляхтой на собраниях-сеймиках, где также решался вопрос о платеже государственных налогов, от которых шляхетские владения были освобождены.

Запрещение православным князьям и боярам занимать высшие государственные должности вызвало сопротивление — после смерти Витовта в Литве началась настоящая гражданская война, в которой одного из претендентов, князя Свидригайла, поддержали восточные земли и города Великого княжества. Но привилеи 1432—1434 гг. уравнивали православных в правах с католиками и провозгласили неприкосновенность вотчин и их владельцев от репрессий без суда. С этого времени разворачивается оформление единого правящего сословия — «политического народа».

Привилеи 1447 г. освобождал всех зависимых крестьян от натуральных и денежных податей в пользу государства и предоставил землевладельцам право суда над своими крестьянами. Тем самым государь терял право вмешиваться во взаимоотношения вотчинников с их подданными, тогда как в Московской Руси государство ограничивало судебные права феодалов.

Крупных городов в Литве было немного: Вильно, Троки, Ковно, Берестье, Новгородок, Минск, Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев, Луцк, Владимир (Волынский) и Кременец; для их развития князья, как и в Польше, приглашали иноземцев — немцев и евреев, получавших особые привилегии. В 1495 г. великий князь Александр приказал «жидову з земли вон выбита»: изгнал все еврейские общины и конфисковал их имущество. Но разразившийся финансовый кризис заставил в 1503 г. великого князя вернуть евреев в свое государство; им были возвращены дома, лавки, огороды, поля и луга — все, чем они владели до изгнания, а также право взыскивать долги со всех должников. Еврейские купцы и банкиры постоянно предоставляли казне значительные средства; один из таких дельцов, Аврам Езофович, стал при Александре подскарбием земским, т. е. министром финансов.

В XIV—XV вв. Вильно, Ковно, Брест, Полоцк, Львов, Минск, Киев, Владимир (Волынский) и другие города получили «магдебургское право» — городское самоуправление: горожане-«мещане» избирали городских «радцев» — советников, ведавших городскими доходами и расходами, и двух «бурмистров» — католика и православного, судивших горожан вместе с великокняжеским наместником-«войтом». С

XV в. в городах появляются ремесленные цеха, права которых закрепляются в специальных уставах.

В Польше и Литве не сложился аппарат центрального управления, подобный системе приказов в Москве. При дворе великого князя были должностные лица, но не было государственных учреждений и быстро растущей бюрократии. Подскарбий земский хранил и расходовал деньги, но не собирал налоги; гетман командовал шляхетским ополчением, когда оно собиралось; постоянная армия короля и великого князя насчитывала в XVI в. примерно 5 тыс. наемных солдат. Единственным постоянным органом была великокняжеская канцелярия, где велась дипломатическая переписка и хранился государственный архив — «Литовская метрика».

Свои действия великий князь с 1492 г. должен был согласовывать с Радой панов, в составе епископов, воевод и наместников из числа крупнейших магнатов. Рада управляла страной в отсутствие князя, контролировала все земельные пожалования, расходы и внешнюю политику. Один из знатнейших «панов» княжества, Альбрехт Мартинович Гаштольд, говорил, что в отличие от Польши «что решается господарем и панами-радой, то шляхтой обязательно принимается к исполнению; мы ведь приглашаем шляхту на наши сеймы как будто бы для чести, на самом же деле для того, чтобы всем явно было то, что мы решаем».

В ходе многочисленных войн великому князю приходилось прибегать к займам у своих князей и панов под залог своих имений. За это паны получали в «заставу» великокняжеские земли и доходы с них до погашения суммы долга. Затем они стали обращаться за субсидиями к другим подданным — так стал созываться «вальный сейм», который включал не только Раду и «значнейших» панов и князей, но и более широкий круг шляхты — как католиков, так и православных. Сначала шляхта приглашалась поголовно, и на сейм приезжали все, кто хотел или имел такую возможность. С 1511 г. представители шляхты стали избираться на местах (по два человека от области-«повета»); в заседаниях сейма участвовала рада панов, лица, занимавшие важнейшие государственные должности (старосты, «державцы»), а также персонально князья Слуцкие, Друцкие, Лукомские, Свирские, Сангушковичи, Збаражские, Заславские, Корецкие, паны Хребтовичи, Кухмистровичи и представители других знатных фамилий. Вызывались на сеймы и православные епископы как владельцы вотчин, с которых шла земская служба.

Впервые сеймы в таком составе стали собираться при великом князе Казимире (1440—1492). С 1507 г. сейм созывался регулярно; на Виленском сейме 1514 г. было решено продолжать войну с Москвой; сейм 1522 г. одобрил конфискацию захваченных великокняжеских земель; на сеймах 1514 и 1522 гг. шляхта пожелала составить свод общегосударственных законов, а на сейме 1544 г. «рыцарство» просило, чтобы в каждом повете шляхта избирала судью и писаря, которые могли судить любого князя, пана или духовное лицо на своей территории. Все эти пожелания были удовлетворены.

В XVI в. сейм стал высшим законодательным органом Великого княжества. В его компетенцию входило принятие законов, решений о сборе налогов для князя и созыве шляхетского ополчения. В 1566 г. сейм постановил: никакое изменение в законах невозможно без его одобрения. В отличие от сословно-представительных учреждений других европейских стран, в сейме была представлена только шляхта — в виде исключения туда были допущены бурмистры Вильно с правом совещательного голоса. Депутаты-«послы» избирались по воеводствам местными сеймиками и отстаивали на сейме наказания своих избирателей. На местных сеймиках шляхта обсуждала свои сословные дела и выбирала членов местного суда.

Экономический расцвет и политическое влияние польского и литовского дворянства-«шляхты» обеспечили наметившееся в XVI столетии общеевропейское «разделение труда»: регионы с развитой промышленностью (Фландрия, Нидерланды, Англия, Южная Германия, север Италии) требовали все больше сырья и продуктов сельского хозяйства, поставщиком которого становились страны Восточной Европы. Землевладельцы преобразовывали свои владения в плантации, ориентированные на производство как можно большего объема продукции на продажу. Такие имения-«фольварки» требовали массового применения барщинного труда — а вместе с ним и крепостнических порядков.

В 1557 г. в Великом княжестве была проведена реформа — «Волочная номера»: вся земля великокняжеских имений объявлялась собственностью государя и делилась на участки-«волоки», за владение ими крестьяне платили денежный оброк; кроме того, каждую седьмую волоку они должны были пахать на великого князя. Эта реформа послужила образцом для введения барщинного хозяйства и на частновладельческих землях. Все землевладельцы должны были

предъявлять свои документы на владение — при этом возвращались в «простое состояние» шляхтичи, обманом присвоившие себе это звание и имение. «Волочная номера» лишила свободы «выхода» крестьянина, который до того мог продать свою «отчину» и стать «вольным похожим человеком». Отныне беглые и самовольно ушедшие крестьяне отыскивались и «осаживались» на пустых волоках. Отменялось и прежнее крестьянское самоуправление: в селах великокняжеские державны и старосты назначали войтов по немецко-польскому образцу.

По Литовскому статуту 1588 г. за крестьянами сохранялось только право владения движимым имуществом, необходимым для выполнения повинностей с земельных наделов, находившихся в их пользовании. «Человек вольный», осевший на земле феодала и проживший на новом месте 10 лет, мог уйти, только откупившись значительной суммой. Закон, принятый сеймом в 1573 г., давал панам право карать крестьян по своему усмотрению вплоть до смертной казни. Виселища являлась обычной принадлежностью двора знатного пана, чему порой удивлялись русские офицеры-помещики в XVIII в. Имел шляхтич и привилегию «препинании» — право на производство и продажу пива и водки в пределах своих владений.

Между Польшей и Москвой: образование Речи Посполитой

У Витовта не было детей, и после его смерти в Великом княжестве начались усобицы. Занявший престолы Польши и Литвы младший сын Ягайло король Казимир и его дети потеряли интерес к «общерусской» программе Ольгерда. Эту задачу «перехватил» московский правнук Витовта — великий князь Иван III (1462—1505). Уже в 1478 г. он заявил о «возвращении» бывших древнерусских земель — Полоцка, Витебска, Смоленска. Эту задачу облегчало нарушение конфессионального баланса в Литве после Флорентийской унии. В 1481 г. король Казимир запретил православным строить новые храмы и восстанавливать прежние; по просьбе короля константинопольский патриарх посвятил для Литовской Руси особого митрополита Григория Болгарина, помощника изгнанного из Москвы сторонника унии митрополита Исидора. Наступление на православие вызвало в Литве оппозицию. В 1481 г. был раскрыт заговор против короля, во главе которо-

го стояли князья Михаил Олелькович и его двоюродный брат Федор Иванович Вельский. Вельский бежал в Москву и остался там навсегда со своим потомством.

Так начались переходы православных князей Великого княжества на сторону Москвы, сильно облегчившие Ивану III и его сыну Василию III борьбу с западным соседом. Вслед за князьями Вельскими на московской службе оказались владельцы других окраинных земель Великого княжества — князья Белевские, Воротынские, Мезецкие, Вяземские, Новосильские, Одоевские, Трубецкие. В 1500 г. перешли к Москве вместе со своими «волостями» потомок Дмитрия Шемяки, князь Василий Иванович Шемячич, и князь Семен Иванович Можайский, сын сторонника Шемяки Ивана Андреевича Можайского. В результате двух больших войн 1487—1494 гг. и 1500—1503 гг. Великое княжество Литовское потеряло треть территории; великий князь Александр признал за Иваном III титул «государя всея Руси». К России были присоединены Вязьма, черниговские и новгород-северские земли (Чернигов, Новгород-Северский, Брянск, Стародуб, Гомель). После трех походов в 1514 г. был отвоеван Смоленск, который на 200 с лишним лет стал главной крепостью и «воротами» на западной границе России. Во время этих войн московские государи умело использовали недовольство части православных князей Литвы — в дальнейшем такая политика станет традиционной по отношению к польско-литовскому государству и в конце концов послужит одним из факторов его крушения.

Но уже во время третьей (1512—1522) и четвертой (1534—1537) по счету войн силы противников оказались примерно равными, а население Великого княжества больше не изъявляло желания присоединиться к Москве. По территории Восточной Европы пролегла граница, по обе стороны которой сложились глубокие различия в общественно-политическом строе двух восточнославянских государств. При этом православные славяне в границах держав Ягеллонов называли себя «русскими» или «русинами», а свой язык «русской мовой» — но при этом отличали себя от «Москвы». В Москве же на соседей смотрели как на «литвинов», и после бедствий Смуты даже православных «литовских людей» встречали подозрительно, а «ляхов»-католиков представляли уже как главных врагов, по сравнению с которыми даже немец-«лютор» выглядел симпатичнее. Правда, это не мешало вполне православным русским мужикам и в XVII и в XVIII вв. бежать

за границу к тем же «ляхам». Крепостничество там было такое же, но барин мог быть и добрым, а вот злое государство с его чиновниками, податями и рекрутчиной — намного слабее.

Политическая элита Литвы и Москвы выработала свои исторические традиции и мифы о собственном прошлом. В литовских хрониках помещался рассказ о князе Палемоне, который с пятьюстами шляхтичами бежал от тирании Нерона на берега Балтики и покорила бывшие княжества Киевской державы. В сочинениях Ивана Грозного и московских дипломатических актах появилась теория о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа. Гедимина же московское «Сказание о князьях Владимирских» называет бывшим княжеским конюхом, женившимся на вдове своего господина и захватившим власть над Западной Русью.

Осознавались и принципиальные различия в характере политической культуры: в источниках XVI в. появляется противопоставление «жестокой тирании» московских князей правам и «вольностям» шляхты и мещанства Великого княжества Литовского. Во времена Ивана Грозного уже московские служилые люди бежали в Литву.

Князь и боярин Андрей Михайлович Курбский становится одним из первых политических эмигрантов. Знаменитая переписка царя Ивана и беглого боярина стала самым известным памятником русской политической мысли XVI в., споры вокруг которого продолжаются и поныне. Князь-диссидент обличал царя в безвинных гонениях против московской знати, но в то же время его жизнь в Литве показала несовместимость московского боярина с чуждой общественной средой. Курбский до самой смерти не выходил из-под суда и искренне не понимал, почему он, «княжа на Ковлю», не может «чинить бой морды» своей жене — знатной панне Гольпанской, раздавать слугам данные ему в держание короной земли или посадить евреев-заимодавцев в пруд с пиявками.

Ливонская война (1558—1583) была попыткой разом решить две важнейшие для России внешнеполитические проблемы: утвердиться в Прибалтике и объединить русские земли, оказавшиеся в составе польско-литовского государства. К 1560 г. Ливонский орден был разгромлен. Россия овладела восточной Эстонией и впервые получила порт на Балтике — Нарву. В 1561 г. часть рыцарей и город Ревель перешли под власть Швеции, а последний магистр Ордена передал его владения польскому королю. В 1562 г. Россия начала войну против

Литвы и захватила Полоцк, а в 1570 г. стала воевать и против Швеции. Но утвердиться на балтийском побережье и стать равноправным торговым партнером Запада Россия тогда не смогла. Стремление Ивана Грозного завоевать «мало не вся Германия» втянуло страну в большой европейский конфликт, в котором в итоге ей пришлось одновременно воевать против Польско-Литовского государства, Крыма и Швеции, да еще и имея в тылу опричнину. К 1577 г. царь Иван овладел почти 2/3 территории Ливонии. Но затем в войне наступил перелом: польско-литовская армия короля Стефана Батория в 1579—1581 гг. отобрала у русских Полоцк, Великие Луки и осадила Псков. Шведы захватили в 1581 г. Нарву. По мирным договорам с Речью Посполитой (Ям-Запольское перемирие 1582 г.) и Швецией (Плюское перемирие 1583 г.) Россия утратила все завоевания в Прибалтике и сохранила лишь небольшой участок Финского залива с устьем реки Невы.

В начале Ливонской войны вновь обозначился перевес Москвы. На мирных переговорах 1563—1564 гг. Москва объявила целью своей внешней политики возвращение всех бывших древнерусских центров — Киева, Волыни, Полоцка, Витебска и прочих земель. В 1564 г. литовский гетман Николай Радзивилл разбил на р. Уле московское войско князя Петра Ивановича Шуйского, но попытка перейти в наступление на московские владения с юго-запада потерпела неудачу. Ежегодные кампании истощили государственные финансы Литвы; ее паны и шляхта вынуждены были обратиться за помощью к Польше.

Совместный сейм открылся в Люблине в январе 1569 г. Литовские магнаты соглашались на создание единого государства только на условиях отдельного существования литовского сената и сейма. Но большинство шляхты, наоборот, стремилось к объединению, поскольку желало получить те права и «вольности», которыми уже обладало польское дворянство. Опираясь на поддержку шляхты, король Сигизмунд II Август передал Польше (из состава Великого княжества) Украину. После этого литовские паны согласились на унию.

Люблинская уния объединила Польшу и Великое княжество Литовское в единую Речь Посполитую (КгесгрозроШа — польский перевод латинского выражения *гез риѠнса*) с общими сенатом и сеймом; вводились единые денежная и налоговая системы. Однако Литва сохранила автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну и официальный русский язык. В 1572 г. после пресечения династии

Ягеллонов король стал избираться на сейме, и Речь Посполитая превратилась в своеобразную республику с выборным королем во главе.

Верховным законодательным органом стал шляхетский сейм: «Отныне и на будущие времена нами, королем, и нашими преемниками не может быть установлено без совместного позволения сенаторов и земских послов ничего нового, что было бы в ущерб и тягость Речи Посполитой, а также во вред и в оскорбление кому-либо или же направлено к изменению посполитского права и вольности публичной», — так гласил один из основных законов государства — Радомская конституция 1505 г. — *Nihil Novi* («конституцией» в Польше называлось любое постановление сейма). Сейм устанавливал налоги, созывал ополчение — «посполитое рушение», определял направление внешней политики, заключал мирные договоры и союзы. На сейме происходил под председательством короля сеймовый суд по особо важным делам. Сейму принадлежало право помилования и амнистии.

Деятельность короля контролировали сенаторы-резиденты. Сам же король, вступая на престол по воле и выбору шляхты, торжественно отказывался от наследственности трона; обязывался не объявлять войну и не заключать мир без сената; не созывать «посполитого рушения» (шляхетского ополчения) без согласия сейма. Гарантией и «зеницей вольности» считалось право шляхты отказать королю в повиновении, если он не будет соблюдать ее права и привилегии. В таком случае недовольные создавали конфедерацию и начинали «законный» мятеж против своего государя.

Конец XVI — первая половина XVII в. стали временем наивысшего подъема шляхетской республики — на короткое время она стала великой державой Восточной Европы. Речь Посполитая стала главной житницей Европы. Зерно отправлялось вниз по Висле до Гданьска, а оттуда по Балтийскому морю в Голландию; далее хлеб развозился по всей Западной Европе. Из южных земель громадные стада скота перегоняли в Германию и Италию. Вывозивший зерно землевладелец был заинтересован в свободе торговли. Законы снижали экспортные пошлины и одновременно открывали доступ иноземным товарам, хотя и в ущерб собственным производителям и купцам. Шляхта добилась лишения горожан права голоса в сейме. Самостоятельность городов подрывали принадлежавшие шляхтичам городские дворы и целые кварталы, не подчинявшиеся городским законам и администрации. Кроме того, короли приглашали в города иммигрантов — немцев, ев-

реев, поляков, армян, которые стали составлять большинство населения украинских и белорусских городов, особенно крупных (как Львов).

Вновь появились и проекты унии польско-литовской державы и России. Теперь уже шляхта Речи Посполитой допускала выборы московского государя с целью использовать военный потенциал Москвы для возвращения потерянных Польшей земель на Западе, организации надежной обороны южных границ и победы в войне с турками. Шляхетские политики уже не опасались за свои вольности, поскольку «за несоблюдение прав наших всегда может быть низложен»; к тому же «москвитич почитал бы все обычаи наши, так как по сравнению с московской грубостью все бы ему казалось наилучшим», — так полагали предвыборные публицистические сочинения в 70—80-х гг. XVI в.

В 1572 г. Сенат Речи Посполитой сообщил Ивану Грозному, что все «станы и рыцарство» желают видеть на троне Речи Посполитой его младшего сына царевича Федора, который должен перейти на воспитание у польских советников и не вмешиваться в управление государством. За допущение царевича к наследованию польского трона Ивану IV предстояло уступить Новгород, Псков и Смоленск. Конечно, царь отказался — но в то же время предложил «русскую» программу объединения. Идеолог и практик «вольного самодержавства» соглашался признать нетерпимые им вольности шляхты, но требовал передачи России Киева; в будущем объединении трех государств — России, Польши и Великого княжества Литовского — власть единого монарха (независимо от того, будет им сам царь или его сын) должна быть наследственной.

Эти проекты так и остались нереализованными: ни царь, ни его сын так и не выступили «кандидатами» на выборах. Но после смерти Ивана Грозного в 1587 г. русские послы выехали в Варшаву для официального выдвижения кандидатуры Федора Ивановича на избирательном — элекционном сейме. Они уже не рассчитывали на утверждение наследственного правления московской династии, но предполагали создать военно-политический союз между Россией и Речью Посполитой, направленный против Швеции, Османской империи и Крымского ханства. Московский государь обещал соблюдать права шляхты («справ и волностей не нарушит, ещо к тому и прибавливати хочет»), не «вступатися ни в какие доходы и скарбы» Речи Посполитой, проявить веротерпимость («людем всяким тех государств вера

вольно будет держать по своей вере»), заплатить долги прежних монархов польско-литовской армии, дать купцам свободный проезд в своем государстве, а шляхтичам — земли в Диком поле.

Взамен московские политики хотели получить в свои руки руководство внешней политикой нового союза и утвердить первенствующее место России в политической структуре Восточной Европы: «Божьей милостью государь, царь и великий князь... всяя Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский» — так должен был звучать титул Федора. Но после победы в Ливонской войне государственные деятели Речи Посполитой уже не допускали равноправного союза двух держав: по их мнению, царь должен был, в случае избрания, принять католичество, а сейм — принимать важнейшие внешнеполитические решения.

В результате русский царь так и не участвовал в выборах на польский престол. Попытки унии в конце XVI в. были уже нереальными — слишком разошлись в своем развитии социально-политические структуры двух держав. В начале XVII в. король Речи Посполитой и его окружение предпочли «силовой» вариант осуществления унии. Во времена Смуты военные действия уже шли на территории России. Польские войска заняли Москву от имени сына своего короля — принца Владислава, которого московские бояре признали в 1610г. новым государем России. Польско-литовское государство возвратило Смоленск и Чернигове-Северские земли и сумело отстоять их в Смоленской войне (1632—1634) от войск Михаила Романова.

После Люблинской унии Польша присоединила большинство украинских земель великого княжества (Волынь, Киевщина и Подолье). Здесь создавались огромные владения-латифундии магнатов Замоиских, Жолкевских, Калиновских, Конецпольских, Потоцких, Вишневецких. Вслед за магнатами и шляхтой шли католические священники. В проповедях и на диспутах они обличали догматические «заблуждения» и культурную отсталость православных. Иезуит Петр Скарга доказывал, что положение православия безнадежно, а единственный выход для его последователей — воссоединение с Римом: «Греки обманули тебя, о русский народ, ибо, дав тебе святую веру, не дали греческого языка, вынудив пользоваться славянским наречием, дабы ты никогда не постиг истинного учения... Еще не было на свете академии, где бы философия, богословие, логика и другие свободные науки преподавались по-славянски. С таким языком нельзя сделаться

ученым...» В этих словах было много справедливого, если бы они зачастую не служили лишь маскировкой для полонизации и окатоличивания.

При поддержке королевской власти была осуществлена Брестская уния 1596 г. — попытка мягкого, постепенного вхождения православных подданных в орбиту католической церкви. Брестская уния 1596 г. — союз православной и католической церквей на территории Речи Посполитой на условии признания православными католических догматов и верховной власти папы римского при сохранении православной церковью богослужения на славянских языках и обрядов. Православные иерархи в Речи Посполитой склонялись к унии, чтобы добиться независимости от власти константинопольского патриарха, получить места в сейме и покровительство короля в спорах духовенства с патриархом и православными братствами. В 1595 г. епископы И. Потей и К. Терлецкий получили в Риме согласие папы на унию. В 1596 г. в Бресте был созван провинциальный синод для решения вопроса об унии. Он разделился на две части: православный собор, возглавлявшийся посланцами Константинопольского и Александрийского патриархов и поддержанный частью православного духовенства, шляхты и мещанством, объявил неправомерными действия сторонников унии и лишил их духовного сана; митрополичий (униатский) собор, на котором присутствовали представители папы и короля, принял унию и лишил духовного сана его противников. В результате сопротивления украинского и белорусского народов Речь Посполитая была вынуждена в 1633 г. разрешить легальное существование православной церкви. Официально Брестская уния была расторгнута на церковном соборе 1946 г. в Львове, созванном под нажимом Сталина и по существу неканоничном. Униатство было легализовано после ослабления советской власти в 1989 г. Вызванный этими пертурбациями конфликт (в частности, спор из-за храмов) продолжается до сего дня.

Уния не разрешила религиозных противоречий: столкновения между православными и униатами носили ожесточенный характер (например, витебский мятеж 1623 г., когда был убит проповедник униатства епископ Иосафат Кунцевич). Власти закрывали православные церкви, а отказывавшихся присоединиться к унии священников изгоняли из приходов. И все же в 1620 г. под давлением украинского мещанства и казачества была восстановлена параллельно с уни-

атской православная иерархия с митрополией в Киеве, юридически зависимая от константинопольского патриарха. Киевское духовенство извлекло уроки из противостояния с униатами. В 1621 г. Поместный собор духовенства и мирян разработал целую программу по публикации книг, устройству и улучшению сети православных училищ, усилению братств и т. д. Венцом ее стало открытие киевским митрополитом Петром Могилой в 1632 г. первой православной академии (впоследствии получившей название Киево-Могилянской), ставшей позднее, в XVII и XVIII вв., «кузницей кадров» высшего духовенства России.

Привилегии шляхты, блеск ее образованности и культуры привлекали православных дворян: началось отречение украинской и белорусской знати от веры отцов и переход в католичество. В 1610г. один из православных деятелей Мелетий Смотрицкий в трактате «Тренос, или Плач по святой восточной церкви» писал об утрате православной Русью ее знатнейших родов: «Где дом Острожских, славный пред всеми другими блеском древней веры? Где роды князей Слуцких, Заславских, Вишневецких, Сангушков, Чарторыйских, Пронских, Ружинских...» Вместе с новой верой перенимались и новый язык, и новая культура, что навсегда отчуждало «панов» от «быдла». В XVII в. при составлении документов выходят из употребления старобелорусский язык и кириллица. Полонизация привела к ликвидации украинской и белорусской национальной элиты в начале Нового времени, когда в Европе шло становление национальных государств.

Было создано своего рода правовое государство — но его полноправными гражданами были только шляхтичи, владеющие собственным имением. Республиканская модель государственного устройства обеспечила шляхте широкие возможности для политического развития и экономического господства — но на базе крепостного права. «Привилеи» сохраняли местное своеобразие, а широкое самоуправление охраняло шляхетские права и от короля, и от мужиков: в Польше и Литве не было ни опричнины, ни крестьянских войн. Однородный юридический статус господствующего класса придал Речи Посполитой определенную прочность, чему способствовали общность веры, языка и этнического самосознания подавляющей части шляхты. Гордая сознанием своих прав шляхта только себя считала «политическим народом», из которого исключала другие сословия. Так установилось понятие «шляхетской нации»: к ней причислялась литовская, белору-

сская и украинская шляхта, но исключались польские и прочие крестьяне и мещане.

Эта нация свысока смотрела на московских «государских холопов». Однако «златая вольность» уже в XVII в. постепенно оборачивалась параличом государственной власти. Но это уже была другая история...

Подробнее на эту тему:

Бардах Ю., Леснодорский Б., Петрчак М. История государства и права Польши. М., 1980.

Думин С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991.

Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915.

Субтельный О. Украина: история. Киев, 1994.